

ISSN 2411-7609

DOI: 10.17117/na.2016.12.03

<http://ucom.ru/doc/na.2016.12.03.pdf>

Научный альманах

2016 · N 12-3(26)

Science Almanac

ISSN 2411-7609

9 772411 760903

<http://ucom.ru/na>

DOI: 10.17117/na.2016.12.03.235

<http://ucom.ru/doc/na.2016.12.03.235.pdf>

Поступила (Received): 31.12.2016

Канн С.К.
Упрощённая отчётность и система премий
(рапорт-объяснение Н.Г. Михайловского
по результатам Западно-Сибирских
изысканий 1891 г.)

Kann S.K.
Simplified reporting and the bonus system
(Report-explanation of N.G. Mikhailovsky on the
results of the West-Siberian railway survey 1891)

Публикация рапорта и отчёта инженера Н.Г. Михайловского по итогам летних изысканий Западно-Сибирской железной дороги в 1891 г. Автор – инженер и писатель – излагает мотивы своих поступков, например, предоставления отчётности в упрощённой форме, а также анализирует основания эффективной изыскательской деятельности в Сибири
Ключевые слова: Гарин-Михайловский Н.Г., Михайловский К.Я., Западно-Сибирские железнодорожные изыскания

Publication of the report of engineer N.G. Mikhailovsky on the results of the summer survey of the West-Siberian Railway in 1891. The author – an engineer and a writer – explains the reasons for his actions, such as reporting in the simplified form. At the same time he analyzes the foundations of his effective prospecting activity in Siberia

Key words: Garin-Mikhailovsky N.G., Mikhailovsky K.Ya., West-Siberian railway survey

Канн Сергей Константинович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН
г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Kann Sergey Konstantinovich
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
State public scientific technological library of the Siberian branch of the RAS
Novosibirsk, Voskhod st., 15

Спешные изыскания западносибирского участка Транссиба летом 1891 г. привели к нескольким неожиданным результатам. Самым ярким из них, безусловно, было отклонение трассы на юг и назначение нового пункта пересечения Оби в Кривошёкове. В сентябре анонимный корреспондент газеты «Новое Время», которого И.М. Юдина безосновательно отождествляла с Н.Г. Гариным-Михайловским [6, с. 48], сообщал следующие подробности:

«Согласно инструкции, – писал он, – линия должна идти, придерживаясь по возможности почтового тракта, и пересекать реку Обь между городом Колыванью и почтовой станцией Дубровино, севернее Колывани. В этом смысле и были произведены изыскания. Место для перехода через реку Обь в этом

участке, как самое удобное, найдено в 8 верстах севернее Колывани, около деревни Скала. Тем не менее и здесь река имеет до 800 сажен при низкой воде, а при большой – до четырёх с половиною вёрст, что вызовет большие затраты на мостовые сооружения. Вследствие этого, начальником пятой партии (всех партий – пять) инженером Михайловским 2-м сделаны дополнительные розыски и в 40 верстах южнее Колывани найден другой, более выгодный, пункт: здесь река Обь проходит в высоких берегах (30 и 14 сажен), ложе скалистое, при меженной воде – 380 сажен, а при разливе – 680 сажен, что, разумеется, выгоднее и, вероятно, будет принято. Вследствие же такого отступления от проекта, придётся, вероятно, линию от Иртыша до перехода через Обь продвинуть на юг; при этом город Каинск останется верстах в 30 на север, но пункт этот никакого интереса не представляет» [5].

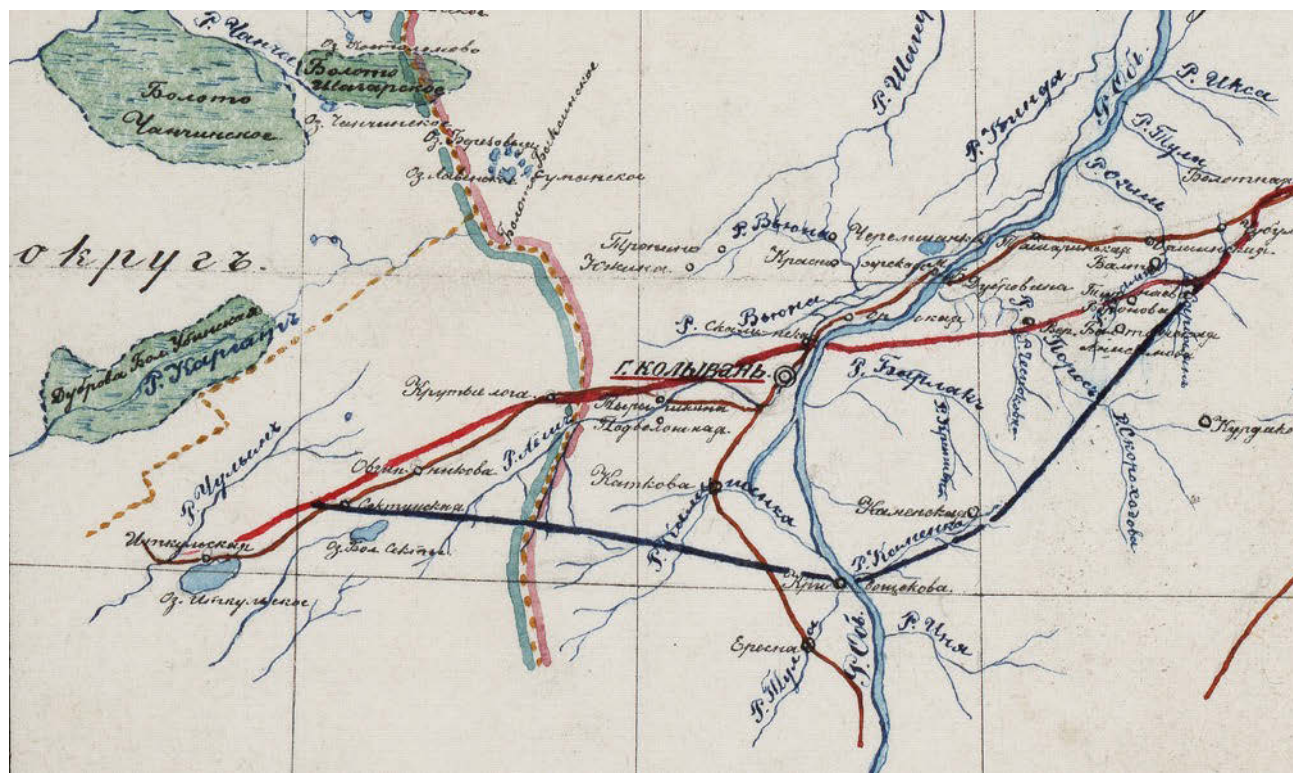
В 1891 г. названный инженер Н.Г. Михайловский 2-й отличился не только большим объёмом лично выполненных изысканий, но и тем, что дерзнул замахнуться на всю систему казённой отчётности, казавшуюся ему слишком сложной и не отвечавшей велениям времени. В результате он последовательно вступил в открытую конфронтацию и со своим начальством, и с Госконтролем, и со всей чиновной машиной организации работ. 22.08.1891 г. Н.Г. Михайловский представил своему руководителю К.Я. Михайловскому рапорт № 1, где в качестве оправдательных документов приложил записку, названную «отчётом начальника 5-й партии в расходах по изысканиям, лично им произведённым», на сумму 8.547 р. (Копия документа приводится в конце данной публикации). При этом Н.Г. Михайловский пояснял, что при спешности работ он не мог вести «правильную отчётность» и «отдал предпочтение сущности перед формой», вследствие чего представил итоги изысканий без надлежащих оправдательных документов – с показанием одной лишь *повёрстной стоимости работ*, которая, действительно, была весьма дешёвой и выгодной для казны – с учётом крайне неблагоприятных условий изысканий.

Отношением № 1398 от 16.10.1891 г. К.Я. Михайловский препроводил «отчёт» своего подчинённого на рассмотрение местного контроля и получил ответ за № 283 от 11 ноября, где говорилось, что отчёт руководителя 5-й партии не только нельзя утвердить, но и отчётом-то назвать невозможно. Контролёры Златоуст-Челябинской железной дороги А.Н. Таунлей и Н.П. Непенин отметили, что в уклонении Михайловского-2 от признанных форм отчётности контроль усматривает желание, «как в настоящем случае, так и на будущее время, устранить правильную отчётность в расходовании государственных денег, – чего, конечно, допустить Контроль не имеет права» [4, л. 163об].

Далее авторы приведённого отзыва подчёркнули, что не только начальники всех четырёх партий, но и инженеры 5-й партии, работавшие при тех же условиях, что и Н.Г. Михайловский, представили установленную отчётность. А сам Н.Г. Михайловский, по словам контролёров, не мог не записывать своих затрат, «иначе выведенная им повёрстная стоимость работ была бы голословна и ни на чём не основана», так как невозможно удержать в памяти расходы в 8.547 р. «мелочными платежами» [4, л. 163–163об].

Главная причина жёсткого противостояния Михайловского 2-го и его оппонентов крылась в его несогласии с укоренившейся системой завышения стоимости работ. Пытаясь предложить более дешёвую расценку дороги и прогрессивные способы сооружения дороги, Н.Г. Михайловский не без основания подозревал представителей «старой школы» – чиновников и концессионеров, к которым он относил и своего начальника, в моральной нечистоплотности, тайном сговоре и злоупотреблении средствами казны. В момент изысканий в Сибири он, как ему казалось, нашёл самый эффективный способ достижения высоких результатов, сводившийся к «упрощённой отчётности и системе премий». Однако бюрократическая система оказалась глуха к его инновациям. Создавая проблемы для чиновных канцелярий, инженер-романтик надеялся придать всему этому делу общественный резонанс и «засветить» нечестные помыслы и проделки дельцов.

Поступки Н.Г. Михайловского породили сложную коллизию. Даже если вынести за скобки непубличный характер сооружения магистрали, игнорировать груз прежних обвинений в адрес МПС и многотрудную финансовую предысторию изысканий Запсиба с 1889 года [3, л. 87, 93–93об], даже и тогда нельзя было не принимать во внимание, что трасса намечена лишь «вчерне», предварительно, а с весны 1892 г. потребуются новые кредиты. Большой скандал с контролирующими органами явно не входил в планы К.Я. Михайловского. Поэтому когда явилась возможность сообщить читателю «Нового Времени» о результатах изысканий (а им мог быть и Александр III), то впечатление публики об ужасах работы в Сибири было усилено:

Фрагмент «Географической карты изысканий V-й партии Западно-Сибирской ж. д.»

Масштаб: 50 вёрст в дюйме. РГИА. Ф. 265. Оп. 2. Д. 642. Л. 154об–155

«Тайга, – писал корреспондент, – попадалась двух родов: кедровая, куда ещё сходят люди собирать шишку и, следовательно, есть тропинки, и осиновая. Осиновую тайгу очевидцы описывают, как нечто ужасное. Это бесконечная, наводящая уныние осиновая заросль из никуда не годных жидких деревьев. Солнце сюда, вследствие густоты, никогда не проглядывает. Почва болотистая, покрытая густою, в рост человека, травой, которую животные не едят. Вследствие слабых воздушных течений и отсутствия солнца, здесь держится вечная сырость; воздух тяжёл и душлив. Мириады насекомых вьются над этими печальными местами: комары серые и рыжие, достигающие очень крупных размеров, мошки, оводы, слепни, одним словом разные кусающие насекомые, которых местные жители называют «гнустью». Эти насекомые, а также страшная сырость, по отзывам инженеров, вернувшихся недавно с работ, составляют крайне тяжёлые условия жизни для работающих.

Как оказалось на деле, – продолжал журналист, – инженеры и техники, занятые более интеллигентным делом, более терпеливо выносили эту обстановку, чем просто рабочие. Многие из последних, проработав 3-4 дня, отказывались и разбегались, хотя заработная плата доходила до 1½ руб. в день. Среди рабочих было много беглых и непомнящих родства, вообще лиц с весьма подозрительной нравственностью, а местные поселенцы на работы почти не идут. Работа в тайге, – писал автор, – повторяем, по отзывам инженеров, была хуже каторжной. Целый день приходилось пробиваться через мокрый осинник и мокрую траву по колено в грязи при беспощадном преследовании насекомых. Не только лошади, но даже люди приходили в бешенство. По рассказам одного из инженеров, сопровождавший его техник, записывавший пикетаж, до такой степени был искусан, что не выдержал и бросился в речку, чтобы хотя на несколько секунд избавиться от насекомых» [5].

Вследствие несогласия контроля утвердить отчёт в несоответствующей форме, Михайловский-1 предложил Михайловскому-2 (№ 1564 от 18.11.1891 г.) представить документы установленного образца или хотя бы в виде кассовой книги с расписками в произведённых уплатах отдельным лицам, табелями рабочих и ведомостью мелких расходов, на которые нельзя было получить законных документов. В ответ на это инженер Н.Г. Михайловский подал рапорт № 27 от 28.11.1891 г., в котором подробно объяснил мотивы своих поступков. Этот рапорт, как и «Отчёт» по изысканиям, с которого и раскрутилась вся история столкновения Михайловских, составляет предмет данной публикации.

Никто не хотел уступать, поэтому тяжба двух незаурядных инженеров длилась несколько лет. В процессе бумажной эволюции возникли трудности не только для оформления окончательного отчёта *по изысканиям* (весной 1894 г.), но и для сведения воедино окончательных цифр *по постройке* всей Западно-Сибирской магистрали. Под занавес 1897 года эта спорная история всё-таки окончилась полным списанием долга с инженера Н.Г. Михайловского [1, л. 49, 50, 55; 2, л. 28–29об; 4, л. 273–284об], который к тому времени уже стал известным писателем Гариным-Михайловским.

Каковы же итоги? С профессиональной точки зрения победил, конечно же, Михайловский-1. С его-то опытом, хваткой и связями и не могло быть иначе. Все

последующие поколения обязаны ему тысячами километров новых рельсовых путей, десятками мостов, вновь возникшими городами и посёлками. Между тем, и инженер-романтик Михайловский-2, писавший под именем «Практика», оставил свой след, и не только на бумаге. Не берёмся судить, кто из них лучше, но не зря ведь сказал Гиппократ: «Сгорая сам, свети другим». Единожды зажжённый свет способен светить через века.

* * *

*«Его Превосходительству
Господину Начальнику работ
Златоуст-Челябинской ж. дороги
и изысканий Западно-Сибирской ж. дороги.*

*Начальника V^{ой} партии
Западно-Сибирских изысканий
Инженера Н.Г. Михайловского 2го*

РАПОРТ.

В ответ на предписание Вашего Превосходительства от 18 ноября 1891 г. за № 1564 с препровожденным мне в копии отношением Г. Главного Контролера от 11 октября с. г. за № 283, честь имею донести нижеследующее:

Вынужденный сделать свою, далеко выходящую из всяких установленных норм, работу (500 вер. изысканий в пересеченной лесной местности, 80 вер. вариантов, 240 вер. рекогносцировок с 60 вер. нивелировок), доставшуюся лично на мою долю в Западно-Сибирских изысканиях этого года, давшую казне десятки тысяч сбережения, я был бы счастлив, если бы мог при том еще выполнить и соблюсти установленную форму отчетности.

К сожалению для этого, как я постараюсь выяснить ниже, не представлялось никакой возможности.

Я имел только выбор из двух положений: не делать за невозможностью соблюсти форму, или делать, приняв риск на себя. – Я остановился на последнем, как на более выгодном для казны.

Имел ли я право на это?

Имел, потому что в этом была выгода казны, потому что мог отвечать той суммой, которой рисковал. Больше, я считал себя обязанным так поступить, отдавая предпочтение казенным интересам пред своими.

Г. Главный Контролер ставит обвинение мне в неисполнении мною моих обязанностей, доказывает, что я мог сделать и не сделал? Надеюсь, что за мною будет признано право сделать попытку оправдать свой образ действий. Право это дает мне уверенность, что если казне полезен напряженный труд, результаты его, если даже будет признано полезным сделать начесть, то не нужна ей ко всему этому честь и репутация ее работника.

Твердо верю, что всем, кому дороги интересы дела, будет дорога и честь человека, действовавшего в этих интересах, и не сомневаюсь, что то доброе и честное, что единственно я имел в виду в своих действиях, вызовет во всех тех,

которые будут моими судьями, желание сделать все, что можно для того, чтобы оградить меня от посягательства на мою честь.

Г. Главный Контролер пишет в своем отношении Вашему Превосходительству, «что была возможность составить правильный отчет доказывается тем, что не только начальники других четырех партий, но и служащие в их партиях и, следовательно, работавшие при тех же местных условиях, представили надлежащие отчеты».

Я не рассчитывал на такую постановку вопроса: Я думал одно из двух: или Г. Главный Контролер, стоя на почве строгого соблюдения формальности, мог сказать бы: «мне нет дела, что в данном случае форма удорожила бы стоимость в несколько раз, я не могу входить в рассмотрение этого вопроса по существу, я имею установленные, обязательные для меня законы, в силу которых представляемую отчетность утвердить не могу». Или же, признавая возможным разбор дела по существу, путем избранным им, сделает этот разбор. Очевидно Г. Главный Контролер нашел последнее возможным, выбрав путь сравнения моих работ с моими соседями. К сожалению, он остановился только на сравнении одной стороны дела, – на тождественности обстановки работавших, не сравнив результаты их работ. Казалось бы, без этого сравнение не может быть полным. Если в той же местности, в тот же промежуток времени, один делает вышеуказанную работу, а другие в среднем 80 верст, то очевидно, что до выяснения причин этого явления, нельзя прикладывать тот масштаб, по которому возможна только норма не свыше 80 вер. в лето на человека, та средняя норма, которая получилась на Западно-Сибирских изысканиях.

Если сверх сделанного Г. Главный Контролер полагает, что я мог еще представить и отчетность по установленной форме, требующую во всяком случае времени, то этим он очевидно считает мой труд ничем не выходящим из общеустановленных норм. В таком случае необъяснимо, почему же и другие не дали такой же, или сколько-нибудь схожей по производительности с моей, работы? А если нет этой работы, если, следовательно, не выработан масштаб этой работы, то где почва, стоя на которой можно утверждать, что в данном случае возможно, что нет.

Сколько не относиться к способностям и опыту, очень много еще останется на то, что совершается во времени. Надо было пройти эти 900 верст, из которых только 215 вер. пройдено не пешком, надо было провешить линию, снять углы, сделать словом все то, что нужно для изысканий. Для этого нужно время. Если бы даже я бегал в то время, когда другие ходили, то, при затрате того же времени и мною и другими, разница в результатах все-таки не могла быть такая большая.

Оставляя как недостойное предположение, что все остальные инженеры были и менее опытные и менее способные, вдобавок и круглые лентяи, надо допустить, казалось бы, что есть какие-то разумные причины этого непонятного со всех вышеуказанных точек зрения явления. Кому ближе знать эти причины, как не человеку, достигшему на основании их небывалых еще в летописи изысканий успеха? И что будет вернее, утверждать ли недостаточно обоснованные положения или поверить автору?

Тут только при одном условии нельзя так поступать, при условии существования возможности не доверять добрым намерениям автора. В этом отношении у Г. Главного Контролера, кажется, не может быть сомнения. Из составленного Всеподданнейшего отчета Местного Контроля видно, что в Уфа-Златоустовских изысканиях достигнуто сбережения до 2.700.000 руб. Из них, как то явствует из выноски, до 2.000.000 сделано мною.*

[* Подстрочное примечание:

«1) В 1886 г. при изысканиях от Вязовой до Садки мною сделано сбережение до 400 тыс. р. и сокращение в длине линии $7\frac{1}{2}$ вер. Благодаря этой моей работе южное направление на завод оставлено и вопрос бесповоротно решен в пользу моего северного направления.

2) В 1887 г., уже назначенный строителем тоннеля стоимостью в 1.175.000 р., я с удлинением линии на 2 вер. 280 с. уничтожил его, дав сбережение 780.000 р.

3) В 1888 и 1889 гг. новым вариантом вдоль р. Юризани, а также и в постройке его дал до 600.000 р.

Данные эти хранятся в архиве дел Уфа-Златоустовской ж. дороги. Последние цифры могут быть проверены по сравнению смет, расценки и окончательных квитанций.»]

В постройке Уфа-Златоустовской железной дороги Г. Главный Контролер в своем отчете указывает на меня, как на единственного, давшего сбережения. Наконец, и по результатам изысканий этого года нельзя, казалось бы, усомниться в моей благонадежности, а именно: как то будет выяснено ниже, даже на рабочую силу истрачено мною вдвое меньше против тех соседей моих, на которых указывает Г. Главный Контролер.

Нельзя же допустить, следовательно, что я мог преследовать в моих работах какую-нибудь корыстную цель, – иначе на что проще было мне держаться установленных форм.

Казалось бы, из всего сказанного явствует, что не только нет основания заподозрить меня в чем-либо дурном, но, напротив, можно убедиться, что я не щащу себя на беззаветную работу, на пользу дела, каковой и можно только объяснить достигаемые мною результаты везде и всегда, куда я только не был назначен за эти 6 лет моего пребывания на глазах Г. Главного Контролера.

Рискуя получить упрек в излишнем самолюбии, утешаясь, что все оно идет на вящую производительность моих работ и что, следовательно, такое самолюбие выгодно для дела, предпочитая такой упрек другому упреку в недостаточной доказанности моего стремления приносить пользу делу, а не преследовать личные интересы, считаю нужным привести слова Вашего Превосходительства, обращенные ко мне в Вашем ответе мне от 24.09.1891 г. за № 2980: "Убедясь в Ваших способностях и полном желании служить пользе дела, я сделал все, что было в пределах моего влияния, на что имел право и возможность".

Эта высокоценная для меня оценка моей деятельности дает мне право считать доказанным мое стремление работать на пользу дела.

А если так, то нет основания и не доверять мне, если я говорю, что при данных обстоятельствах нельзя было выполнить требование формы.

Представитель казны может быть поставлен, конечно, в безвыходное положение сочетать истину с формой, – ну, и что ж делать; но раз нельзя отрицать выгоды и соблюдения интересов казны, лицо, решившееся для соблюдения этой выгоды рисковать даже своими средствами, имеет право рассчитывать на нравственную поддержку, сочувствие со стороны представителя интересов казны, потому что это лицо, действуя в интересах казны, действует тем самым и в интересах представителя этих интересов. Не сомневаюсь в том, что могу рассчитывать на эту поддержку, и потому считаю необходимым выяснить, при каких условиях я вынужден был принять на себя непосильную работу этого года.

В инструкции, полученной мною, предполагалось сделать изыскания от ст. Овчинниково на Колывань до соединения у ст. Пичитанки с линией Инженера Меженинова. Сверх того, требовалось провести ветку на Томск по инструкции до 80 вер., а всего 470 вер. В мое распоряжение были назначены для полевых изысканий Инженеры: Бергамаско, Стримович и техник Табурно, для исследования Оби сверх того был назначен Инженер Роецкий.*

[* Подстрочное примечание:

«Для Оби первоначально предполагалась отдельная партия и впоследствии была подчинена мне»]

Причем выбор лиц был предоставлен мне, но размер штатов был утвержден Г. Начальником работ. – Если сравнить мой штат, например, со штатом первой партии Инженера Залусского*

[* Подстрочное примечание:

«Это сравнение сделано в возражение того, что штат мой был усиленный»],

в распоряжении которого были Инженеры: Берс*

[* Подстрочное примечание:

«Тобол, бывшая у Инженера Берса, уравнивается р. Томью, бывшей у меня»],

Ольшевский и Цорн, причем последние трое получали в сумме столько же, сколько Стримович, Бергамаско и Табурно, то очевидно, что силы моей и первой партии были одинаковые. К этому следует прибавить, что в первой партии было 350 вер. степи, была предварительная рекогносцировка, а в моей предполагалось 470 вер. пересеченной и покрытой лесом местности и рекогносцировки никогда не было.

Приехав к месту работ, рекогносцировка выяснила мне необходимость сделать линии:

Секты – Кривощеково – Починка	– 399 в.
Овчинниково – Колывань – Балта	– 122 в.
Овчинниково – Кривощеково	– 104 в.
Магистраль в предположении на Томск	– 88 в.
Ветка на Томск	– 37 в.
Итого	– 750 в.
Вариантов	– 80 в.

Сверх того, нивелировок в предположении линии на Томск правым берегом Томи – 31 в. В предположении пересечения линии у г. Томска – 22 в. Итого – 53 в.

Сверх того, рекогносцировок в предположении Овчинниково – Ташара – Томск – 280 в.

В существенном вопросе: следовало ли все указанные линии делать, – спорной остается линия Овчинниково – Кривощеково, вызванная следующими соображениями: более короткая линия Секты – Кривощеково (на 2 вер.) проходит значительными земляными работами. Это вынудило поискать более удобную линию, что и достигнуто линией Овчинниково – Кривощеково, которая длиннее всего на 2 вер., но проходит в местности с значительно меньшими работами. Несомненно, что не я, так другой должен был бы исследовать это направление. Таким образом, требовалось всего 750 вер. изысканий, не считая нивелировок и рекогносцировок. В роли начальника партии я мог бы ограничиться наблюдательной ролью, в крайнем случае взяв на себя р. Томь.

Тогда, принимая во внимание, что вверенными мне тремя Инженерами 235 в.*

[* Подстрочное примечание:

«Сравнивая эту работу с работой степной части изысканий остальных инженеров, казалось бы, следовало признать работу моих помощников удовлетворительной»],

для остальных 515 в. изысканий, 80 в. вариантов, 53 в. нивелировок, 280 в. рекогносцировок по этому расчету я имел право телеграфировать и просить в подкрепление еще 7 инженеров с ответственным штатом десятников и техников.

Считая не по сметному расчету 14 месяцев средний срок, а только годовой, получилось бы для 7 инженеров с жалованьем, проездными и подъемными по 4000 р. на каждого, всего 42.000 р.

Десятников, считая в каждой партии нивелировщика, пикетажиста и вешильщика, в среднем по 6-месячному расчету по 60 р. в месяц и по 240 р. проездных на 10 партий, всего 30 человек, а за исключением имевшихся 14, на остальных 16 x 600 = 9600 р.

Рабочей силы, считая по представленным отчетам моих соседей, на которых ссылается Г. Главный Контролер, Инженеров: Бергамаско, Стримовича и техника Табурно – всего на сумму 5.514 р. 80 к.*

[* Подстрочное примечание:

«При отчете № 1 представлены отчеты на рабочую силу Инженеров: Бергамаско на 781 р. 50 к., Стримовича – 1.324 р. 50 к. и техника Табурно – 2.084 р. 80 к., при отчете № 2 – Стримовича – 1.024 р. и Табурно – 300 р.»],

что на 235 сделанных верст составит на версту 23 р. 4 к., а на 515 в. – 11.860 р. Итого: 63.460 р.

Помимо стоимости штат инженеров мог бы приехать только к концу летнего периода и, следовательно, работы волей-неволей затянулись бы на два года, что было бы нежелательно, ввиду предположения строить с весны будущего года.

Что было делать? Очевидно выписывание нового штата было бесполезным уже для этого года расходом, если бы даже удвоить его, все равно время уже

упущено было. Оставалось помириться с мыслью растянуть изыскания на 2 года с надлежащим усилением штата в будущем году.

При таких условиях я решил сделать попытку произвести эти изыскания самому. Попытка удалась и я кончил свою работу одновременно с другими, причем на рабочую силу истрачено мною 6.500 р. вместо 11.860 р., на премии вместо новых десятников 9.600 р. – 2.000 р., в общем достигнута экономия в 55.000 р.

Чем я рисковал?

Допустим предположение, что я не мог кончить бы. Тогда и без того надо было бы в следующем году кончать.

Допустим предположение, что я мог бы вогнать стоимость работ и тем подвести казну, заслужив упрек, что действовал неосмотрительно и рискованно, на что не имел права. – Но это разбивается тем, что я действовал на совершенно определенной почве. В прошлом году я той же системой работ, какую применил в Западно-Сибирских изысканиях, на глазах у всех и Вашего Превосходительства сделал в 2 недели в Октябре, в самое непроизводительное, следовательно, время, при постоянных дождях, изыскания «Садка – Бердяуш» в 60 вер. длиною в гораздо более пересеченной местности, чем изыскания этого года. Оспаривать качество тех изысканий нельзя, так из представления в Комитет гг. Министров в прошлом Феврале месяце г. Министра путей сообщения видно, что изыскания дали против предшествовавших 550 т. р. сбережения, 18 вер. сокращения в длине, причем вместо деревянных были спроектированы каменные мосты, вместо узкоколейной была спроектирована ширококолейная. Отчет по изысканиям в сумме, выданной мне конторой железных заводов гг. Балашевых 1.256 р., был представлен мною в той же форме, в какой он и представлен теперь. Частный предприниматель нашел выгодным для себя принять такую поверстную отчетность.

Если в ½ месяца, невыгодного для работ периода, я мог сделать 60 вер. в более трудной местности в десятки раз дешевле против изысканий «Уфа – Златоуст», то у меня, очевидно, было достаточно оснований не сомневаться в успехе дела, и в денежном отношении, и в смысле окончания его, если только силы организма выдержат. Сил хватило, потому что я заболел, не успев сделать только 8 подходных верст к Томску.

Является вопрос – имел ли я право при всей очевидности выгод предпочесть этим выгодам соблюдение форм?

Я не могу на это отвечать. Я рассуждаю так: для такого исключительно живого дела, как изыскания, такого при том такого большого, как было мое, думать о форме и последствиях ее несоблюдения и верить в то же время в успех, – несовместимо. Для такого дела нужен такой подъем энергии, такая напряженность, – не упустить ни одного производительного момента, при которых нельзя было соблюсти формы. Что из этого могло бы быть? В крайнем случае начесть. Как не трудно, я имею возможность отвечать за истраченную сумму, имея возможность, имею и право. Ну, даром прослужил. Приплатил же 6.000 р. я своих денег на Уфа-Златоустовской ж. д., не мог же я не дать из своих средств несколько тысяч и допустить казну до миллионных расходов? Когда я все состояние отдам, я,

конечно, вынужден буду мириться с такой мыслью, но пока я могу, я буду так делать, как делаю всегда, конечно с личной ответственностью.

Что необходимы такие расходы в живом деле, которых Местный Контроль не может признавать правильными, доказательством служит то, что, во-первых, по размерам сбережений, представленных мною на Уфа-Златоустовской ж. д., не мог ничего сколько-нибудь похожего представить, а, во-вторых, тот факт, что куда бы я не назначался, везде являлась возможность, применяя мой способ работ, давать выдающиеся сбережения. Нельзя же это объяснить неизменным счастьем моим постоянного наталкивания на такие места, где возможны такие сбережения.

Наконец, при мысли о риске начета у меня была и несомненная надежда, что может быть, действуя беззаветно в соблюдениях казенных интересов, я обращаю, наконец, внимание на необеспеченность этих интересов тех, кому соблюдение их вверено.

Мне, стоя на своем посту лицом к лицу с делом, была видна неправильная постановка вопроса в том, что за право производительной работы необходимо платить из своего кармана. Мне ясно было, что невыгодно это потому, что, если могут быть добровольные жертвоприношения, то могут и не быть, могут быть такие же и потери, и сколько денег могло уже и может еще ускользнуть из рук казны. Сознывая эту страшную необеспеченность дела, происходящую очевидно из того, что инициатива является частной, случайной, а не вытекает из такой организации дела, в которой казна должна быть инициатором улучшения и усовершенствования, я считал себя обязанным, насколько мне возможно, содействовать выяснению этой стороны дела и верить, что, если я понимаю это, то тем более будет понятно всем, выше меня стоящим.

При чем тут обвинение Г. Главного Контролера, возводимое на меня, что я стремлюсь устранить правильную отчетность. Устранить или показать с собственным риском, какая отчетность при таком-то деле возможна и наиболее удовлетворяет основному стремлению отчетности поменьше истратить денег? В этом смысле я только работал над составлением такой формы отчетности в таком исключительно живом деле, где бы время, стоимость рабочего труда и труда инженера отражалась бы как в зеркале, потому что в теперешней форме отчетности всеми этими табелями с поголовно неграмотным населением выясняется только одна из указанных сторон – стоимость рабочей силы, составляющая $1/10$ стоимости труда инженера и являющаяся функцией при том производительного по времени труда этого инженера. В поперстной отчетности есть этот контроль. Раз является возможность контроля, является возможность выяснения норм этого труда. Невыясненность этого труда явствует из сделанных мною изысканий с одной стороны 500-900 в. в пересеченной местности, с другой 80 в. степи.

Для возможности увеличения производительности труда полезно ли представителям интересов казны узнать от лица, доказавшего такую производительность, каким путем можно ее достигнуть!

Несомненно, потому что этим путем достигается удешевление этих изысканий.

Где же во всем этом подрыв отчета контроля? Что здесь можно видеть другого, как не искреннее желание содействовать выяснению правильной постановки дела. Нельзя мне делать таких обвинений. Г. Главный Контролер имел возможность убедиться за 6 лет в моей всегда горячей готовности признавать контроль. В своих статьях я называю контроль нашим фонарем*

[* Подстрочное примечание:

«Железнодорожное Дело» – № 21, 1889 г.],

правильно ли после всего этого ставить мое отношение к контролю на ту почву, на какую ставит Г. Главный Контролер. Можно не согласиться со мной, можно проверить меня, сделать опыт, но по совести, думаю, нет оснований бросать в меня обвинения в преследовании каких-то непонятных целей, в неисполнении того, что я мог делать, но не сделал. Нет, – я всегда доказывал и словами и деятельностью безусловную необходимость контроля, я, отказавшись от службы, пошел опять служить только с введением казенного способа построек, а, следовательно, и контроля и, если Господь благословит мою жизнь, буду еще иметь возможность доказать, что мои намерения не расходятся с намерениями Контроля.

Я шесть лет стремлюсь осветить положение вещей.

Неуспешность свою я объясняю тем, что сам виноват, что не умел обобщить фактов, сводя все к чему-то случайному, частному, за которое в конце концов приходилось не только платиться из своего кармана, но и рисковать заслужить репутацию человека, не щадящего казенных денег на премии и награды.

Теперь, когда представился случай вновь выполнить исключительную работу, я счел своею обязанностью поставить свою работу в такие рамки, при которых нельзя бы было игнорировать тот путь, при помощи которого является возможность достижения таких результатов. Этот путь – упрощенная отчетность и система премий.*

[* Подстрочное примечание:

«Премии для инженеров существуют уже, и в этом можно, разве, заметить, что распределение их согласно заслугам вызывало бы, может быть, больше энергии к достижению этих заслуг»]

Премируется рабочий, десятник, нарочный, проводник, премируется работа по частям – в разбивку: до завтрака, до обеда, до вечера. Этими премиями вызывается крайнее напряжение, и до половины Июля, благодаря коротким ночам, была возможность работать в поле с 2 часов ночи до 10 ч. вечера. Тут уже помимо часто невозможности (поле, открытое небо, дождь) составлять нужные документы, особенно, принимая во внимание, что изнурение, усталость, а тут еще дождь, необходимость спать тут же в грязи, под открытым небом, – вызывает как раз отказ рабочих продолжать в такой момент изыскания. При таких условиях для правильного расчета надо ехать в деревню, т. е. терять следующий день. О всевозможных нарочных*

[* Подстрочное примечание:

«Мне, как Начальнику партии, необходимо было поддерживать непрерывные сношения с партией, разбросанной на пространстве 500 в.»,]
проводниках*

[* Подстрочное примечание:

«За отсутствием верных карт, приходилось прибегать к помощи местных жителей»],

способах приобретения провизий и говорить нечего. Чтобы все это оформить при требовавшейся быстроте передвижения, надо было иметь несколько специальных служителей для разведок и закупок. Несомненно, что эти господа и сами по себе стоили бы больше, а главное то, что и достать-то таких людей было негде.

Никакого сомнения нет, что часть расходов можно было бы оформить. Но тогда это было бы повторением Уфа-Златоустовских приплат, тяжелых для меня и бесполезных для улучшения дела. Такая система приплат привела бы в конце концов только к тому, что производительную работу я мог бы вести только до тех пор, пока у меня были бы свои деньги. Кроме риска приплаты является и в следующем отношении риск. Благодаря системе премий поденная цена рабочего с пищей и премией доходила у меня до 2 р., в то время когда у соседей моих колебалась от 50 к. – 1 р. У Контроля не практикуется и даже нет правил для этого, чтобы производить проверку обошедшейся стоимости версты у каждого отдельного лица. Суждение делается только на основании представляемых документов и будет заключаться в проверке правдоподобности представляемых документов. Табель с поденной ценой в 2 р. вызовет, конечно, аналогичное сопоставление этой цены с ценой соседей и без общих результатов еще более будет непонятным, как в той же местности один платит 50 к. – 1 р., а другой 2 р. Если при поверстной отчетности, представленной мною при подбитых итогах стоимости версты, Г. Главный Контролер не находит нужным останавливаться на результатах, то очевидно и тогда нет основания предполагать, чтобы он пошел дальше прежнего сравнения. То же следует сказать о премиях, выданных десятникам, т. е. лицам, которым по закону не полагается их выдавать. Тогда представленный в такой форме отчет, при потонувшем общем результате в массе ничего не говорящих документов, постигнет несомненно та же судьба, какая постигла его и на Уфа-Златоустовской ж. д. Бездокументные расходы не примутся, премии не утвердятся, а табеля с двухрублевым поденным останутся непонятным документом, который всякий по своей доброй воле и будет трактовать как захочет. И хорошо, если общий голос будет только за то, что человек не умеет обращаться с деньгами.

По поводу предложения Вашего Превосходительства представить какие возможно расписки, а остальное представить в виде расходных книг, без гарантии притом, что такая форма будет утверждена, честь имею заявить следующее:

Как представляемая мною отчетность, так и предлагаемая Вами, одинаково отступают от установленных форм и, следовательно, сопряжена с тем же риском для меня, вдобавок с тем несомненным неудобством, что замена поверстной отчетности неправильными документами сведет дело на ту же почву, о которой говорилось выше.

Вследствие чего покорнейше просил бы Ваше Превосходительство разрешить мне в данном случае право выбора того способа, который более гарантирует мою честь.

Для пользы дела требуется мое время, мой производительный труд, – отдам деньги, не задумываясь отдам и жизнь, но не отдам и не для пользы нужна моя честь. Можно назвать мои изыскания предварительными чуть не рекогносцировками, можно доказывать, что я мог вести отчетность и почему-то не вел, можно выставить меня каким ниспровержителем установленных порядков (тогда всякий стремящийся улучшить дело, что составляет его право и обязанность, – такой же ниспровержитель), но основания не найдется для этого ни в представляемой работе, ни моем прошлом, и такая постановка вопроса будет не в интересах людей, стоящих на страже успеха, и не они воспользуются результатом моего унижения.

В ограждение этого унижения я и позволю себе остановиться на уже представленной мною поверстной отчетности, как на более удобной для сравнения по существу.

В заключение прошу верить, Ваше Превосходительство, с крайне тяжелым чувством решился я подчеркнуть свою производительную деятельность. Но прошу войти в мое положение: вопрос поставлен слишком обидно и незаслуженно для меня, я рискую быть сброшенным с того дела, для успеха которого нет для меня ничего более дорогого. Судите сами, имел ли я право указывать при таком положении, как на противовес этому намерению на мои цели и желания, подтвержденном приводимыми фактами. Если этих фактов нет, если они выдуманы мною (для проверки этого существуют комиссии), меня надо судить, – если они есть, то, может быть, с ними захотят считаться.

Ввиду сообщенного мне Вашим Превосходительством намерения препроводить мою отчетность во Временное управление казенных ж. д., честь имею покорнейше просить препроводить при ней и это мое объяснение.

Подписал: *Начальник V партии, Инженер Михайловский 2^й*
№ 27. 28 ноября 1891 г.

С подлинным верно: *И. д. Главного Бухгалтера В. Лесгафт.* »

РГИА. Ф. 364. Оп. 4. Д. 325. Л. 147–162 об. Писарская копия. Орфография приведена к современному виду (в том числе добавлена пунктуация).

* * *

« Копия
ОТЧЕТ

Начальника V партии изысканий Западно-Сибирской ж. д.
Инженера Н.Г. Михайловского, в расходах по изысканиям,
лично им сделанным.

Мною произведено в течении лета 1891 г. – 515 вер. изысканий. При такой спешности, жизни все время под открытым небом, – вести правильную отчетность возможности не было. Тогда пришлось бы ограничиться как и всем инженерам нормой около 75 верст в лето, а это вызвало бы повторение работ в будущем году в усиленном составе партии. По крайнему моему разумению, постав-

ленный в невозможность сочетать форму с успехом дела и экономией казне несколько десятков тысяч рублей (партия инженеров из 7 человек, каждый с ответственным штатом), – я отдал предпочтение сущности перед формой, решившись представить только поверстную стоимость моих работ. Ввиду того, что кроме меня работало еще 25 инженеров, у Контроля есть возможность проверить как стоимость моих работ, так и решить принципиальный вопрос: выгодно ли для казны проводимое мною положение вещей.

При поденной цене не менее рубля, кроме премий и пищи, получилось:

	В сплошной тайге	В местности, частью лесной и пересеченной	В степи и болотах
Рекогносцировка местности	2.00	1.00	
Вследствие неправильности карты – проводники ...	2.00	1.00	
Расходы, связанные со спешностью: премии десятникам, рабочим и харчи их	4.00	3.00	2.00
Расходы, связанные с обязанностью иметь непрерывные сношения и срочные с вверенным мне штатом остальных инженеров и техников	1.00	1.00	1.00
Рубка леса	5.00	3.00	0.25
Нивелировка двойная	3.00	2.00	1.50
Пикетаж	2.50	2.00	1.50
Провешивание линии	2.50	2.00	1.00
Поперечные профили и бассейны	0.50	1.00	0.25
Варианты по улучшению линии	1.50	2.50	1.00
Стоимость одной версты	24.00	18.50	8.50

Сделано мною, согласно представляемым проектам:

а) в тайге 80 вер. по 24 р. = 1.920 р.

б) в местности, частью лесной и пересеченной .. 265 вер. по 18.50 р. = 4.902 р.

в) в степи и болотах 170 вер. по 8.50 р. = 1.445 р.

Итого: 8.267 р.

Сверх этого сделано рекогносцировок с промерами рек Оби и Томи направления на Мариинск через Томск 280 в. по 1 р. за версту, итого 280 р.

Всего израсходовано мною восемь тысяч пятьсот сорок семь рублей.

Количество сделанных верст удостоверяет, согласно представляемым проектам, Техническое отделение Начальника работ.

Техники и десятники, легшие на эту работу:

Н.Н. Колечицкий с 27 июля по 1 сентября*

[* Подстрочное примечание:

«¹/₃ производительного времени, остальное у инж. Роецкого и Табурно»],

И.Ф. Халецкий – все время,

Н.М. Платков – с 6 августа по 1 сентября*

[* Подстрочное примечание:

«¹/₃ производительного времени, остальное у инж. Бергамаско и Табурно»],

И.Г. Швецов – все время,

К.И. Сумкин – все время,

В.А. Зайцев – с 1 августа по 1 сентября*

[* Подстрочное примечание:

«¹/₃ производительного времени, остальное у инж. Роецкого»],

Н.П. Львов – все время,

В.П. Кашин – все время,

М.О. Новак – все время,

В.М. Новак – все время.

Стоимость последних 5 служащих определяется из дополнительных требовательных ведомостей на вольнонаемных служащих на сумму 517 р. Остальные определяются из требовательных ведомостей и составляют, считая по девятимесячному расчету с прибавкою проезда вперед и обратно – 4.308 р., а всего 4.825 р., что составляет штат техников и десятников на версту 9 р. 37 к.

Штат инженеров: считая мой годовой оклад 5.700 р., подъемные и проездные взад и вперед 2.300 р., итого: 8.000 р., что составит на версту стоимость технического надзора – 15 р. 53 к.

Итого средняя стоимость версты:

а) Рабочей силы 16 р. 05 к.

б) Техников и десятников 9 р. 37 к.

в) 15 р. 53 к.

40 р. 95 к.,

в эту сумму входит и составление проектов.

Подписал: Начальник V партии, Инженер Н. Михайловский

С копией верно: И. д. Главного Бухгалтера В. Лесгафт. »

РГИА. Ф. 364. Оп. 4. Д. 325. Л. 145–146. Копия с копии. Орфография приведена к современному виду.

Список используемых источников:

1. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 216. Оп. 1. Д. 11 (Дело с перепиской по финансовым вопросам постройки Западно-Сибирской ж. д.).
2. ГАТО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 46 (Дело с документами по финансовым вопросам).
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 265. Оп. 2. Д. 993 (Дело об изысканиях и постройке Златоуст-Челябинской ж. д.).
4. РГИА. Ф. 364. Оп. 4. Д. 325 (Дело по изысканиям Западно-Сибирской ж. д.).
5. Сибирская железная дорога // Новое Время. СПб., 1891. 30 сентября (12 октября), № 5599. С. 1.
6. Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность. Л.: Наука, 1969. 238 с.